

Литература

Агапкина Т. А. Болезнь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Отв. Ред. С. М. Толстая. М. : Международные отношения. 2002. С. 50–51.

Власова М. Энциклопедия русских суеверий. СПб. : Изд. дом «Азбука-классика», 2008. 624 с.

Гура А. В. Лягушка // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Отв. Ред. С. М. Толстая. М. : Международные отношения. 2002. С. 287–288.

Даль В. И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М. : Эксмо. 2008. 736 с.

Иванова В. В. За някои фолклорни мотиви в романа «Бащи и деца» на И. С. Тургенев // Руският класически Логос: измерения и посоки: юбилеен сборник, посветен на доц. д-р Николай Нейчев. Пловдив. : Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2019. С. 259–268.

Манолакев Х. П. Текст и границы. А. С. Пушкин и неговите «Повести на Белкин»: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2001. 237 с.

Нейчев Н. М. Проблема о значении «второстепенного» персонажа в русской литературе XIX века // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры. Конференция МАПРЯЛ. : сборник докладов. Т. 2. Пловдив. : Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2007. С. 175–182.

Нейчев Н. М. Литература и месианизъм. Руското литературно месианство през XIX век, Пловдив. : Университетско изд-во «Паисий Хилендарски», 2009. 622 с.

Пушкин А. С. Евгений Онегин. М. : Изд-во «Э», 2016. 512 с.

Рогалевич Н. Н. Словарь символов и знаков. Мн. : Харвест, 2004. 512 с.

Топоров В. Н. Лягушка // Мифы народов мира. М. : Советская энциклопедия. 1988. Т. 2. С. 84–85.

Топоров В. Н. Окно // М. : Советская энциклопедия. 1988. Т. 2. С. 250–251.

Тургенев И. С. Собрание сочинений в двенадцати томах. М. : Художественная литература, 1976. Т. 3. Накануне. Отцы и дети. 1859 – 1861. 389 с.

Ivanova V. V. Once again about folklore motifs in the novel «Fathers and Children» by I. S. Turgenev

Abstract. The article focuses on folklore motifs and some symbols that are found in the novel «Fathers and Children» by Ivan Turgenev. The purpose of the study is to reveal the image of the young nihilist Evgeniy Bazarov. With the help of symbols such as a window, a frog, etc., the development of the main character is traced and the strength of his nihilistic theory is tested.

Key words: Bazarov, «Fathers and children», folklore motifs, symbols, window, frog, nihilist.

В. Е. Андреева

(научн. руководитель Н. Б. Граматчикова)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Устный рассказ о свадьбе как гипертекст

Аннотация. В статье исследуется рассказ о современной свадьбе как гипертекст. Рассказ о свадьбе в виде интервью представляет собой цельный, многоуровневый текст, в котором мы можем наблюдать сосуществование разных нарративов: рассказ о знакомстве, рассказ об учебе в университете и пр. Цель работы – дать определение термина «гипертекст» в фольклорном понимании и проанализировать в этом аспекте собранный нами материал (интервью о свадьбе из собственной коллекции автора).

Ключевые слова: фольклор, современная обрядность, свадебный обряд, гипертекст, интервью, устный рассказ.

Свадебный обряд, как обряд перехода, всегда привлекал внимание исследователей. С возникновением новых форм свадебной обрядности появились новые современные контексты изучения обряда. Известный фольклорист С. Б. Адоньева считает, что «про русскую свадьбу можно говорить долго и по-разному» [Адоньева 2018а]. В центре нашего исследования находится современная свадебная обрядность, которая раскрывается в рассказах о свадьбе, рассматриваемых через категорию гипертекста.

Гипертекст – термин, пришедший в литературоведение из компьютерной терминологии. В литературоведении под гипертекстом понимается система ссылок внутри произведения и нелинейная форма повествования [Чилингир2011: 16]. Исследователи, говоря о гипертекстах, чаще всего имеют в виду тексты, написанные в постмодернистской парадигме. К классическим текстам такого рода относят роман-лексикон М. Павича «Хазарский словарь» и некоторые другие [Там же : 17].

В фольклористике термин *гипертекст* «закрепила» Т. Б. Дианова. Она занималась изучением контекстов и гипертекстов в фольклорных текстах. Поле фольклористики сегодня расширяется, это позволяет привлекать разный материал для исследования. Термин гипертекст понимается в фольклористике иначе, чем в литературоведении и лингвистике.

Т. Б. Дианова определяет *гипертекст* как разные тексты в естественной форме существования, связанные между собой тематически и контекстуально [Дианова 2004 : 9].

А. А. Иванова, изучая локальные фольклорные традиции, опираясь на работы Т. Б. Диановой, пишет, что «в реальном процессе бытования отношения между фольклорными текстами разной жанровой природы организуются как многоуровневые, гипертекстовые» [Иванова 2003]. Это означает, что и в сознании и восприятии информанта разнообразные жанровые «клише» существуют не изолированно, не автономно. «Они связаны друг с другом, и имеют тематическую, мотивную или поэтическую общность, и образуют своеобразные жанровые и сюжетные «пучки» (или гипертекстовые системы)» [Там же]. А. А. Иванова, вслед за Т. Б. Диановой считает, что примерами таких гипертекстов можно считать интервью: «Как правило, такое интервью представляет собой полилог, в котором отдельные произведения соплагаются на основе ассоциативных связей, возникающих в сознании конкретного исполнителя» [Там же].

Определим собственное понимание термина «гипертекст». Под «гипертекстом» мы понимаем, во-первых, собственно гипертекст-интервью, когда свадебный нарратив «распадается» на несколько нарративов; во-вторых, систему сюжетных «пучков» или мотивов.

Сегодня принципиально меняется подход к сбору фольклорного материала. На смену жанрово ориентированным опросникам (когда фольклористы, например, просили информантов рассказать предания или легенды про клады или пр.). Современные методы сбора материала, с опорой на цифровые методы фиксации, предполагают больше свободы для информанта, и это пространство свободы понимается учеными как ценность. Опираясь на опросник, исследователь слушает и записывает цельный нарратив, на основе которого в последствии выделяет необходимые жанры и мотивы.

Для нашего исследования такой подход актуален, однако мы не будем описывать гипертекстовые системы, для нас важно провести анализ имеющихся интервью и на их примере показать, как интервью может «сливаться в “своего рода гипертекст”, который обладает нелинейностью и многоуровневостью» [Алексеевский 2011: 43].

Наше исследование строится на анализе восьми глубоких полуструктурированных интервью, собранных в 2018–2021 годах. Интервью проводились по разработанному нами тематическому опроснику. Опросник составлялся с учетом традиционной структуры свадебного обряда, но дополнялся и вопросами, учитывающими современные свадебные тенденции. Так как мы предлагаем информанту вопросы, можно считать, что отчасти мы сами задаем рамку повествования, однако, как мы увидим в наших примерах, информант нередко выходит за предложенные рамки. Возраст информантов от 22 до 67, пол – женский. Самая ранняя свадьба датируется 1974 годом,

самая поздняя 2021. География свадеб неоднородна, преимущественно свадьбы игрались в Екатеринбурге, одна свадьба в Алатыре и одна в Ульяновске.

Исходя из анализа материала, мы считаем, что любое интервью по своей природе можно назвать гипертекстом, так как любое интервью нелинейно и многоуровнево. Система вопрос-ответ задает нелинейность (так как вопросы открытого типа, информант имеет большую вариативность во время ответа), однако единство повествования обеспечивает целостность, в котором прослеживается многоуровневость.

Первый тип гипертекста, собственно гипертекст-интервью для нас более значим. Мы видим, что иногда собственно свадебный нарратив «распадается» на множество нарративов. Т. Б. Дианова считает, что «рассказы о свадьбе изобилуют завершенными в сюжетном и художественном отношении выразительными повествованиями» [Дианова 2004 : 13]. Приведем пример. Мы просили информанта рассказать о себе: «Сколько тебе сейчас лет, откуда ты родом, где училась, где живешь сейчас» [Автобиографический рассказ 2003]. На такого типа вопрос информанты отвечают по-разному: кто-то отвечает только на поставленный вопрос – даты, факты, кто-то рассказывает «свою историю», как в нашем примере. На поставленный вопрос информант рассказывает о школе, своей юности и поступлении в училище: «Так, ну значит мы родом с Екатеринбурга, <...> училась я в школе народной культуры, и затем, в 19 лет я уехала в Нижний Новгород и поступила в женского нижегородское духовное училище, там отучилась 4 года, там два направления было, не факультеты конечно, а направления, это регенты и золотошвейки, я пошла на золотошвейку, ииии, получила там духовное образование, окромя как швейного, мне очень там понравилось, то есть действительно, я после школы работала с мамой в интернате для детей с особенностями: олигофрены, дцпшники, ну там даунов не было, ну в общем вот эти тяжелые дети для них был интернат, и мы с мамой там работали, рукоделие какое-то им преподавали, с наклоном фольклорным <...> Я спрашиваю дядя Володя, а он, я теперь я не дядя Володя, я теперь отец Владимир. Батюшки, что же это такое, что за новшество, а потом – он уже уходит от нас, и я спрашиваю про Женю, так как мы с Тепловой Женькой учились вместе, я спрашиваю, а где вот сейчас Женька, а он говорит, она учится, значит, в Нижнем Новгороде, в духовном училище, так оп! интересно, думаю, что-то Женьку туда поперло, чего-то там не плохо, чего-то там интересно, а как там с ней созвонится, он мне дал адрес, я написала, спросила, а она мне говорит, если ты хочешь поступить, вот надо знать «Символ Веры», «Отче наш», все вот эти начальные молитвы, тропарь своему святому, молитвы утренние, вечерние, и там все» [Автобиографический рассказ 2003]. Мы видим, что в рассказ о свадьбе включается множество небольших, но самоценных цельных повествований. Рассказываемая история не связана напрямую с историей свадьбы, ее включение вторично, но не менее ценно и значимо, поскольку это репрезентация всего становления «нынешнего человека», каким он себя репрезентирует в этой беседе с исследователем.

Про второй тип гипертекста (мотивы или «пучки») можно сказать, что для нас он менее значим, так как отчасти задается самим интервьюером: мы задаем вопрос про знакомство, и получаем историю знакомства. Бывают мотивы, которые повторяются из текста в текст, но повторяются не из-за своей типичности, а скорее, наоборот, поэтому мы обращаем на них внимание – например, мотив благословения. Остановимся на нем.

Родительское благословение, на первый взгляд, кажется архаикой. В «Капитанской дочке» А. С. Пушкина читаем: «Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения» [Пушкин, т. 4 1936 : 374]. Современный читатель совершенно не понимает, в чем заключается проблема: захотел – женился.

Обращаясь к толковому словарю, читаем: «БЛАГОСЛОВЕНИЕ, –я, ср. 1. см. благословить. 2. Обращенная к Богу просьба о благодати, помощи. Б. Господне. С божьим благословением приступить к возведению храма» // «БЛАГОСЛОВИТЬ, –влю, –вишь; сов., кого-что. 1. У христиан: осенить крестным знамением, выражая этим покровительство, согласие. Б. хлеб и воду. Б. жениха и невесту (давая согласие на брак). Благослови, владыка!

(просьба, обращенная к архиерею). 2. перен. То же, что напутствовать (высок.). Б. на ратный подвиг. 3. Воздать благодарность кому-чему-н. (устар.). Б. судьбу. II несов. благословлять, –яю, –яешь. II сущ. благословение, –я, ср. Родительское б. Подойти под б. епископа» [Ожегов, Шведова 2017 : 49]. Необходимое значение для нас – У христиан: осенить крестным знаменем, выражая этим покровительство, согласие. Трудно понять, почему из-за простого согласия так трепетал пушкинский герой. С. Б. Адоньева в лекции «Брак и свадьбы в дореволюционной России» говорит о том, что благословение в дореволюционной России носило характер юридического акта [Адоньева 2018b]. Этот факт чрезвычайно важен, так как он объясняет многие коллизии в литературе XIX века.

В собранных нами текстах также есть мотив благословения близкий к дореволюционному пониманию. Нужно еще сказать, что в православной святоотеческой традиции благословение (духовника, старца, родителей) носит характер императива: «– Когда говорят, духовник благословил сделать, что это значит? – Это значит велел» [Свешников, Свешникова: 2009]. Приведем пример из наших текстов: «Он ко мне приезжает в училище как-то осенью и говорит, нас батюшка с тобой благословил жениться, я говорю как, какой батюшка, он говорит, отец Иероним я говорю как так, чего, почему, почему без меня вообще, он говорит, ну вот так, я пришел как-то однажды к нему и он спрашивает, а ты, говорит с кем дружишь, а я говорю – с Любой, отца Олега дочкой, он, ну все, вот и женитесь, говорит» [Автобиографический рассказ 2003] // «Когда мы познакомились, я познакомила его с родителями, и батюшка [здесь батюшка (отец Олег В.) отец информантки – В. А.] сказал: «Ну, вот вам год, подумайте» <...> мы очень ждали, что батюшка наконец-то скажет да <...> [муж] понимал, что надо просто подождать разрешения, благословения <...> батюшка сказал все, благословляю вас. Хорошо, мы подали заявление» [Автобиографический рассказ 2014]. Из этих двух примеров видно, что благословение носит императивный характер.

Таким образом, в первом случае гипертекст формируется информантом самостоятельно, во втором случае «сюжетные пучки» или мотивы формируются самими исследователями / интервьюерами через последовательность вопросов. Итак, можно говорить о том, что в интервью представлены два вида гипертекста. Оба вида заслуживают пристального внимания и изучения.

Литература

- Автобиографический рассказ 2003* // личный архив Андреевой В. Е.
Автобиографический рассказ 2014 // личный архив Андреевой В. Е.
Адоньева С. Б. Брак и свадьбы в дореволюционной России [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mLpOu2iofwY> (дата обращения – 17.04.2022)
Адоньева С. Б. Свадебные ритуалы и семейные ценности [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xHw0hDNtVzs> (дата обращения – 07.04.2022)
Алексеевский М. Д. Фольклористика между текстом и контекстом // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. №9 (71). С. 42–56.
Дианова Т. Б. Текстовое пространство фольклора: методологические заметки к проблеме // Актуальные проблемы полевой фольклористики. 2004. Вып. 3. С. 5–18.
Иванова А. А. Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции [Электронный ресурс] URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/8.html> (дата обращения – 27.03.2022)
Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4 – е изд., дополненное. М. : ООО «А ТЕМП», 2017. 896 с.
Пушкин А. С. Собрание сочинений в 6 т. / А. С. Пушкин. М. : Худож. лит., 1936.
Свешников В., Свешникова М. Благословение духовника. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/blagoslovenie-duxovnika/> (дата обращения: 15.04.2022)

Чилингов Е. Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект // Вестник славянских культур. 2011. №19. С. 15–22.

Andreeva V. E. An oral history about a wedding as a hypertext

Abstract. The article explores the story of a modern wedding as a hypertext. The story of the wedding in the form of an interview is a whole, but multilevel text in which we can observe the coexistence of different narratives: a story about acquaintance, a story about studying at the university, etc. The purpose of the work is to define the term "hypertext" in the folklore sense and to analyze in this aspect the material we have collected (an interview about a wedding from the author's own collection).

Keywords: folklore, modern ritual, wedding ceremony, hypertext, interview, oral history.